

Рукопись написана на хорошей бумаге аккуратным и крупным почерком нескольких переписчиков. «А писана она разметисто и не мелко не ради моего прельщения, но дабы читающим очесам угоднее и удобнее было к чтению, паче же тем очесам, которые всю Россию, аки второе солнце, называют, освещают и питают своим милосердием, их же мелким письмом напрасно трудить не обычно и страшно»,¹⁵ — писал Ф. Поликарпов Мусину-Пушкину об отправленной в Петербург для прочтения царем рукописи.

В связи с трудом над «Географией» у Поликарпова возникли неприятные для него и не до конца ясные для нас осложнения; о них пишет он Мусину-Пушкину в марте 1717 г.: «Известно вам, что ваша высоких лиц гневная ... словеса иссушают многожды и высокая дровеса. Аще же когда с милостию изрекутся, тогда и от неплодных малыя смоквиныцы много плод произвести могут. Хотел было и я грубый еще нечто новое немалое и во истину небывалое российскому народу в пользу произвесть чрез убогий труд мой, но видя себя ... страждущаго (яко же и за Географию льстецем и обманщиком именуема) и всегда в противных волнах обореваема от оболгания, наветов и поругания ласкателей, тунеядцев и притрапезников ... оставляю все, да не горшее что постражду».¹⁶

Ф. Поликарпов был весьма образованным для своего времени человеком и обладал большим опытом в переводческом деле. Тем не менее первоначальный его перевод «Географии» Петру не понравился. Об этом мы узнаем из дальнейшей переписки Мусина-Пушкина с Поликарповым. «При сем же посылаю к тебе и географию переводу твоего, которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо, — пишет 2 июня 1717 г. Мусин-Пушкин. — Того ради исправь хорошошенько не высокими словами славенскими, но простым русским языком ... Со всем усердием трудися, и высоких слов славенских класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова».¹⁷

Перевод «Географии» Варения предназначался для довольно широкого круга читателей, в первую очередь для обучающейся молодежи. Чтобы он был вполне понятен учащимся, необходимо было отступить от книжной традиции того времени. Поэтому Ф. Поликарпов (хотя он и был убежден в том, что солидный научный труд следовало бы «не общенародным диалектом российским переводити ... дабы тако изъясних высоту и красоту слова и слога авторов») ¹⁸ с самого начала пытался ввести в традиционно книжный, церковнославянский язык элементы живой речи. В предисловии к рукописи он указывает, что «снисходя немощи юновозрастных студентов науки сея (да не сокрыется сенс от их поятия) того ради употребих наречия и сочинения общенароднаго российского паче, неже славенскаго». Традиция использования церковнославянского языка была, однако, настолько сильна, что, несмотря на намерение переводчика, первоначальный перевод «Географии» Варения был выдержан в основном в обычном для допетровской поры книжном стиле и этим вызвал недовольство Петра.

Известны требования Петра к языку переводов,¹⁹ продиктованные ожиданием практической пользы от переводной литературы. Выполнять эти указания в период двуязычия, когда «разговаривали по-русски, а писали по-славянски»,²⁰ было нелегко, так как влияние церковной культуры средневековья

¹⁵ Русский архив, 1868, № 7—9, стр. 1053.

¹⁶ Там же, стр. 1052.

¹⁷ Там же, стр. 1054.

¹⁸ Предисловие к рукописи 1716 г. БАН, Петровская галерея, № 72.

¹⁹ См.: Русский архив, 1868, №№ 7—9, стр. 1055; А. А. Бахтияров. История книги на Руси. СПб., 1890, стр. 110; А. Н. Пыпин. Книжная деятельность времен Петра Великого. — Вестник Европы, 1898, № 7, стр. 269.

²⁰ См.: Г. В. Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937, стр. 47 и 113.